

— Мне было восемь лет, а я уже получил срок — три года условно. Удивляешься, что в таком возрасте можно получить тюремный срок? Можно, и ещё как можно. Шесть моих приятелей получили тогда по два года. Так что нам это удалось с опережением возраста, — рассказывает мой новый знакомый Бесик, или Беслан, у которого я квартировал некоторое время в Сухуми.

Голос у него был хриловатый, как у всех заядлых курильщиков, но мягкий какой-то — может быть, из-за лёгкого акцента или просто от природы.

— Тогда директор школы в присутствии всего класса и участкового милиционера зачитал приказ по школе, что мы получили наказание условной тюрьмы. Хорошо помню, как мы стояли, опустив головы и потупив взоры в пол. Некоторые из нас плакали, но не помню, чтобы это был я.

Беслан не спеша отхлебнул из фужера золотистого напитка, то есть вина из винограда благословенной Абхазии. Щёлкнул зажигалкой, из которой выскочил синеватый огонёк, прикурил сигарету, выпустил изо рта клуб довольно вонючего дыма.

— Всё началось с того, что у нашей одноклассницы Лауры Пикалия умер папа. Лаура, вся её семья, как и положено, горевали. Недельку целую её не было в школе. Наконец горе стало стихать, Лаура вернулась в класс и принесла

целый портфель серо-жёлтых брикетиков, похожих на хозяйственное мыло. К ним были приложены чёрные шнуры, название которых я узнал гораздо позже: бикфордов шнур. Наша компания в семь человек, включая и Лауру, была очень дружной командой. Всё интересненькое мы приносили в класс и делились. Принесённое Лаурой было внимательно рассмотрено, оценено в первую очередь на съедобность. Вкус был никакой, его не было. Лаура оказалась самой осведомлённой. Она как могла объяснила нам, что это такие бомбочки, которые она нашла в сарайчике, куда её покойный папа складывал разное хозяйственное добро. Он же ей говорил, что ими могут пользоваться только мужчины. Так как у Лауры не было братьев, то она решила, что эти бомбочки по праву должны принадлежать мальчикам, с которыми она больше всего дружила в классе. Она же просветила нас, как пользоваться ими. Мы, конечно, спросили, откуда она это знает. Лаура выдала нам секрет, что ими папа рыбачил, что вызвало у нас некоторое недоверие. Как этими бомбочками можно рыбачить? Она тут же пояснила, что нужно поджечь чёрный шнурок, но сначала его нужно вставить в бомбочку. Потом папа бросал бомбочку в воду, там она взрывалась. Рыба всплывала. Они с папой собирали её сачком. Дальше Лаура заплакала. Ну а мы просто молчали и примеряли её горе на себя; по крайней мере, я — точно.

Сделав короткую паузу и подумав о чём-то своём, Бесик улыбнулся и продолжил. Я не задавал наводящих вопросов, чувствуя, что ему нужно кому-то рассказать историю из его детства. Так открывают душу в поезде случайным попутчикам, зная, что это останется между ними без возможного напоминания в будущем.

— Всем досталось по одной тротиловой шашке, а это были они, как выяснилось позже. Всем по одной, ну а мне Лаура отдала шесть штук! Почему она отдала мне больше всех, я не знал. Возможно, это была особая симпатия, так как наши отцы дружили, а Лаура была мне как сестра. Я загрузил свою долю в ранец и ходил с ними в школу дня два.

Чувствовал себя значительным и вооружённым. Мой мозг постоянно сверлила мысль: как и где испытать эти бомбочки? На третий день обладания тайной меня буквально начало распирать, чтобы поделиться с кем-нибудь ею. Я даже выронил такую шашку как будто случайно почти под ноги отца, но он не обратил внимания, только буркнул мне: «Ты что-то выронил». Я испытал разочарование: «Не заметил».

Беслан сделал очередную затяжку, выпустил струю белого дыма, ещё раз отпил вина — наверное, для смягчения горла и уменьшения хрипоты.

— На следующий день события приобрели совершенно иной характер. Одна из двенадцати шашек взорвалась.

Отхлебнув ещё глоток, Беслан продолжил:

— Один из шести моих друзей, Генка Абла, мальчишка очень тихий, спокойный, в очках, ботан настоящий, решил первым испытать шашку: взорвётся или нет? Вероятно, его тоже терзали те же самые мысли и желания — как испытать бомбочку. Мы все жили во дворе, застроенном домами барачного типа, с удобствами на улице. Короче, сортир находился в дальнем углу двора, за разросшейся акацией. Так вот, Генка уже закрепил верёвочку с привязанной шашкой за точашую из доски ржавую шляпку гвоздя на боковой стенке сортира. К этому гвоздю летом крепили бечёвку для развешивания белья, тянущуюся метров на семь к сарайчику с лопатами и метлами. Дальше шёл забор с раздвижными досками для удобства прохождения сквозь него. Генка решительно чиркнул спичкой и поднёс пламя к кончику бикфордова шнура. Шнур вспыхнул, зашипел, испуская струйку дыма и искр. Мы быстро сиганули за забор, раздвинув доски, державшиеся только на верхних гвоздях, приникли к щелям и заворожённо уставились на дымок и искры в ожидании взрыва, который, по моим прикидкам, должен был произойти минуты через три. В это самое время бодрым шагом к сортиру спешил сосед по дому, дядя Валерий. Это был крепкий дядька, с большущими чёрными усами, которого мы, детвора всего двора, уважали и побаивались. Выглядел он как-то

очень строго, наверное, потому, что ещё носил чёрную форму и фуражку, так как работал на железной дороге. По мере его быстрого приближения к нашему уличному туалету бикфордов шнур стремительно уменьшался, стора и неся огонь к шашке. Дальнейшее происходило очень быстро. Только дядя Валерий прикоснулся к заветной ручке на двери сортира в предчувствии исполнения неотменяемого физиологического зова природы, огонь бикфордова шнура соприкоснулся с веществом шашки. Шашка взорвалась! Взрывная волна сбила с ног ничего не ожидавшего дядю Валерия. Он упал на спину, сжимая в правой руке дверную ручку вместе с дверью, которая накрыла его. Туалет развалился. Досталось и сараю с инвентарём. Ввиду хлипкости стенки она улетела внутрь, прихлопнув мётлы, лопаты, гнутые вёдра и другую нужную в дворовом хозяйстве рухлядь. По нам тоже ударила волна, но как-то несильно. Мы резко отскочили от забора. Забор, расстояние, да и кусты смягчили прикосновение взрыва, а может быть, Господь и ангелы хранили нас. Наступила тишина. Грохот взрыва исчез в выплеснувшемся столбе пыли и запаха выгребной ямы. Тишина нарушилась шелестом картофельной ботвы, по которой в разные стороны улепётывали я и Генка. Мы позорно убежали, оставив контуженого дядю Валерия под развалинами сортира, из-под которых он выбрался, озираясь и не понимая, что случилось. Впрочем, контузия впоследствии оказалась нетяжёлой. Потом говорили, что «аварии» в его штанах не произошло.

Беслан неспешно допил остатки вина, пыхнул дымом последней затяжки, затушил окурком о дно пепельницы. Замолчал на некоторое время. Я не перебивал эту паузу, понимая необходимость ещё раз осознать пережитое в далёком детстве.

— Наш участковый Тенгиз Хикуба провёл стремительное расследование. Тротил был конфискован у всех. Наказаны были тоже все без исключения. Впрочем, посадили только Лауру. Оно и понятно, у неё недавно умер отец. Я получил самый большой срок, так как имел самый

большой запас взрывчатки. Отец меня не отлупил, но только ругался, что могли бы вообще убить человека и сами погибнуть. Тогда как большинство пацанов заработали от родителей по полной программе.

Поняв, что Беслан завершил своё повествование, я спросил его:

— Беслан, а как сложилась судьба участников того происшествия?

Беслан медленно достал очередную сигаретку. Зачем-то заглянул в пустой стакан. Чиркнул колёсиком зажигалки. Прикурил. Втянул дым, раскуривая сигарету.

«Курит много Бесик. Да и винцом догнаться тоже не прочь», — мелькнула мысль.

— Генка стал врачом, в России работает, в Уфе, кажется. Один реально сидит. Лаура уехала с родителями в Грузию, как раз накануне войны. След её потерялся. Ещё двое погибли под Гудаутой во время боёв с грузинами. При мне. Я был тогда только ранен. Одного покалечило взрывом той мины. Я тебе расскажу об этой войне. Потом.

Беслан замолчал, сосредоточенно глядя в пол, задымил сигаретой ещё сильнее. Его лицо вдруг стало сосредоточенным и отстранённым. Мне показалось, что он, на то время двадцатилетний парень, находится на фронте под Гудаутой со своими друзьями детства, которые навсегда останутся с ним в воспоминаниях, в глубине души.

Мне же подумалось, что их всех настиг тротил — тротил войны.